

АСЯ ИСАЙ

ИЗМЕНА

*Ущиматуми
на всю жизнь*

Ася Исай

Измена. Ультиматум на всю жизнь

«Автор»

2026

Исай А.

Измена. Ультиматум на всю жизнь / А. Исай — «Автор», 2026

— Если не извинишься — завтра я женюсь на Амине. Она моя любовница уже полгода, — мой жених смотрит на меня холодно. Я стою в белом платье на своей долгожданной помолвке, свекровь требует, чтобы я встала на колени и извинилась. Гордость не позволяет. Я снимаю кольцо и ухожу. Семнадцать лет живу в другом городе, воспитываю дочь одна, строю карьеру и учусь не любить. Но он возвращается. С дочерью, которая учится в одном классе с моей Ариной. И он готов на всё, чтобы вернуть меня. Только я уже не та девочка, которая когда-то готова была ради него на все что угодно.

© Исай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Измена. Ультиматум на всю жизнь

Глава 1

Артур стоит так близко, что я чувствую тепло его тела сквозь тонкий шёлк платья, и в этот миг весь «Метрополь» с его хрустальными люстрами и тяжёлым ароматом роз, кажется, мне всего лишь красивой рамкой для него одного.

Я ждала этого вечера четыре года — с того самого дня, когда он впервые взял меня за руку в университетском коридоре и сказал: «Ты будешь моей».

Каждый его взгляд, каждое прикосновение, каждый раз, когда он задерживался на работе и всё равно приезжал ко мне посреди ночи, — всё это вело сюда, к сегодняшнему дню.

К нашей помолвке. К тому моменту, когда я наконец-то стану для него не просто девушкой, а женщиной, с которой он хочет прожить всю жизнь.

В воздухе висит густой, почти приторный аромат роз и дорогого шампанского, который смешивается с нотками ванили от свечей и лёгкой горечью сигар из мужского угла зала. Люстры льются вниз тёплым золотым дождём, отражаясь в полированном паркете так ярко, что пол под ногами тоже искрится.

Мои пальцы сжимают тонкую ножку бокала, и холод стекла пробирается по коже, контрастируя с жаром, который разливается по груди от одного взгляда Артура.

Он в чёрном костюме, сшитом точно по его широким плечам. Его рука лежит у меня на талии. Твёрдая, уверенная, и сквозь ткань платья я чувствую каждую подушечку его пальцев. Платье — шелковое, с нежным кружевом по лифу, которое я выбирала три недели назад в маленьком ателье на Патриарших. Тогда я кружилась перед зеркалом и думала: «Это платье для нашего начала». Сейчас оно облегает меня, как вторая кожа, и каждый шов напоминает о том, как сильно я хотела именно этого вечера.

Кольцо на моём пальце простое, с одним бриллиантом. Оно чуть жмёт, но это приятное давление. Напоминание, что всё наконец-то стало реальностью.

Гости поднимают бокалы. Голоса сливаются в тёплый гул — смех, звон, обрывки тостов. Артур улыбается мне улыбкой, от которой у меня до сих пор замирает дыхание. «За нас», — говорит он, и его низкий голос пробирает до позвоночника.

Киваю, чувствуя, как слёзы счастья подступают к глазам, но сдерживаюсь — не хочу испортить макияж.

Шампанское касается языка, пузырьки лопаются на нёбе, оставляя послевкусие свежих яблок и лёгкой сладости. Сердце стучит ровно, сильно, в такт музыке, которая тихо играет за колоннами.

Я обвожу взглядом зал: белые скатерти, серебряные приборы, тяжёлые бархатные шторы цвета глубокого бургунди, что приглушают шум Москвы за окнами. Всё идеально. Всё так, как я представляла себе нашу помолвку. Артур — владелец «АртСтроя», человек, который строит небоскрёбы и мою жизнь одновременно.

Я — его. Теперь — навсегда.

Свекровь встаёт. Её платье вопреки тому, что сегодня мой праздник — белое. Она поднимает бокал, и на секунду в зале становится тише.

— Элина, — начинает свекровь, и её глаза прищуриваются, — ты не заслуживаешь моего сына.

Зал замирает. Кто-то кашляет. Кто-то ставит бокал слишком громко — звон разносится, как выстрел. Я чувствую, как кровь отливает от лица, а пальцы на бокале становятся белыми. Сердце, только что бившееся ровно, теперь колотится где-то в горле, мешая дышать. Платье вдруг кажется тесным, кружево на груди царапает кожу. Я ищу глазами Артура. Он стоит рядом. Должен встать на мою сторону. Должен сказать, что это бред.

Но он молчит.

— Я точно знаю, — продолжает с улыбкой. — Что ты приворожила моего Артура. Я знаю. Все знают. — обводит притихших гостей в зале взглядом, и они начинают смеяться. — Я считаю, что ты обязана передо мной извиниться за эту свою подлость. Ты украла моего сыночка! Встань на колени и извинись. Прямо сейчас. Передо мной. Перед всеми.

Рука Артура исчезает с моей талии. Медленно. Будто ему просто стало неудобно.

Я не двигаюсь. Не опускаюсь на колени. Ноги словно приросли к паркету. В груди поднимается жар — не стыд, а чистое, горячее непонимание. Я не виновата. Я не привораживала никого.

Я просто полюбила его так сильно, что отказалась от всего остального.

Лицо Артура меняется. Сначала — лёгкое раздражение из-за долгого ожидания. Потом брови сходятся, и я вижу, как у него на виске начинает пульсировать жилка. Он делает короткий вдох сквозь зубы, и я слышу, как воздух с шипением выходит. Пальцы его правой руки сжимаются в кулак, потом разжимаются, потом снова сжимаются — резко, почти до белых костяшек. Будто он... Хочет ударить меня?

Он переводит взгляд с матери на меня, и в его глазах появляется злость — настоящая, тяжёлая, та, которую я видела всего пару раз, когда кто-то пытался обмануть его на контракте.

— Элина, — произносит он наконец, и голос уже не бархатный, а жёсткий, как бетон. — Если ты не извинишься на коленях перед мамой... Пожалуй, я заменю невесту, и завтра я женюсь на Амине.

Да что за сюр здесь происходит? Амина? Кто такая Амина?

— Она моя любовница уже полгода, — продолжает Артур, будто читает вопросы в моих мыслях. В его голосе ни вины, ни жалости. — С ролью жены точно справится.

Пол уходит из-под ног. Паркет, который секунду назад блестел, теперь кажется скользким, ненадёжным. Я делаю шаг назад и натыкаюсь на стул. Ножка стула царапает пол с противным скрипом.

Запах роз вдруг становится удушающим — слишком сладким, приторным, как дешёвые духи на распродаже. В ушах звенит. Кто-то из гостей шепчет. Кто-то начинает смеяться. Кто-то достаёт телефон и начинает снимать.

Из-за стола в дальнем углу стоит девушка. Высокая, в красном платье, которое обтягивает фигуру так, что не оставляет места для фантазии. На её пальце — кольцо. Не такое, как у меня. Больше. Ярче. Бриллиант ловит свет люстры и режет глаза. Она улыбается — спокойно, уверенно, как хозяйка.

В груди разрастается пустота. Огромная чёрная дыра, которая засасывает всё: и любовь, и мечты, и нежность...

Артур смотрит на меня. Его глаза пустые. Чужие. Он ждет мое унижение.

Глава 2

Я стою посреди зала «Метрополя», и в этот самый миг всё внутри меня ломается с хрустом.

Кольцо на безымянном пальце вдруг становится раскалённым. Оно жжёт кожу, давит, режет. Я больше не могу его носить. Не могу. Не хочу.

Пальцы сами собой сгибаются. Я срываю кольцо одним быстрым, злым движением и бросаю его прямо под ноги Артуру.

Оно летит короткой дугой и ударяется о паркет с тонким, звонким щелчком. Бриллиант вспыхивает в свете люстры последний раз — и замирает у носка его дорогого ботинка.

Зал замирает.

Тишина такая плотная, что я слышу, как где-то за спиной кто-то резко втягивает воздух. Сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди. В ушах стоит звон. Кровь приливает к лицу жаркой волной, щёки горят, а в горле тугой, горячий ком, который не даёт вдохнуть.

Артур смотрит вниз. На кольцо. Потом на меня. Его глаза — пустые. Чужие. Ни удивления, ни вины. Только лёгкое раздражение, будто я испортила ему тщательно спланированный спектакль.

Несостоявшаяся свекровь в своём белом платье улыбается. Медленно, торжествующе. Амина в красном стоит у дальнего стола и даже не моргает. Её кольцо на пальце блестит ярче моего, ловит свет и режет глаза.

Я чувствую, как по спине пробегает ледяная дрожь. Ноги становятся ватными, но я стою прямо. Не опускаюсь. Не плачу. Ярость и боль смешались внутри в один раскалённый клубок, который жжёт рёбра и не даёт дышать, но позволяет выстоять?

— Вот, — говорю я хрипло, и мой голос звучит чужим. — Забирай. Мне оно больше не нужно.

Артур не двигается. Только желвак на его скуле резко проступает.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Каждый шаг отдаётся в теле тяжёлым ударом. Платье липнет к коже холодным шёлком, кружево на груди царапает, как проволока.

Гости расступаются. Кто-то шепчет. Кто-то снимает на телефон. Я чувствую их взгляды — липкие, жадные, любопытные. Но мне всё равно.

Главное — выйти. Главное — не упасть здесь, на глазах у всех.

Двери ресторана распахиваются. Ночной воздух Москвы врывается в лицо — влажный, прохладный, с запахом мокрого асфальта и далёкого дыма. Ветер сразу треплет волосы, забирается под тонкий шёлк, заставляет кожу покрыться мурашками.

Я выхожу на крыльцо, и мир вокруг становится чуть тише. Только сердце всё ещё стучит где-то в горле.

Такси останавливается почти сразу. Я сажусь на заднее сиденье. Машина трогается. Москва за окном плывёт цветными огнями. Я не плачу. Сажу прямо, сжимая пустую ладонь, где ещё минуту назад было кольцо, и повторяю про себя, как заклинание:

Завтра он одумается. Завтра позвонит. Завтра скажет, что это была ошибка, шутка, розыгрыш... Что угодно.

Голос в голове звучит уверенно. Я убеждаю себя. До боли в висках. Завтра он приедет. Встанет на колени. Попросит прощения. Мы забудем этот вечер, как страшный сон.

Но память не слушается. Она тащит меня обратно в те четыре года, когда я любила его так сильно, что забывала дышать.

Вот он впервые берёт меня за руку в университетском коридоре и говорит: «Ты будешь моей».

Вот он приезжает посреди ночи, пахнет усталостью и дорогим парфюмом, просто обнимает меня и шепчет в волосы: «Ты — моё самое лучшее решение».

Вот мы стоим на крыше недостроенного небоскрёба, и он показывает на огни города: «Это всё будет нашим. Для тебя».

Каждое воспоминание режет, как нож. Как он мог так легко? Как мог стоять там и смотреть на меня пустыми глазами?

Та девушка... Пока я выбирала платье, пока я отказывалась от всего ради него — он уже спал с ней.

И все знали. А я была слепой.

Такси едет по Садовому. Огни мелькают размытыми пятнами. В салоне пахнет дождём и кожаным сиденьем. Я сжимаю кулак так сильно, что ногти впиваются в ладонь. Боль острая, чистая. Хорошая. Она хоть немного заглушает ту, другую, что разрывает внутри.

«Завтра он одумается», — повторяю я снова и снова. Но внутри уже растёт холодное, острое понимание: он не одумается.

Он стоял там и смотрел, как я тону. И в его глазах не было ни капли сожаления.

Машина останавливается. Я расплачиваюсь и выхожу. Машинально ноги сами несут меня дальше. Ночная Москва шумит вокруг, а я иду, не понимая куда, пока передо мной не вспыхивает ярко освещённый вход вокзала.

Кассирша хочет от меня внятного ответа, но я просто киваю на первый в строчке табло поезд, даже не удосужившись посмотреть куда он едет.

Протискиваясь мимо ошарашенного проводника, сажусь в вагон, закрываю за собой дверь купе и прижимаюсь лбом к холодному стеклу.

Поезд трогается.

Москва остаётся позади.

А я еду. Куда? Да какая к черту разница. Главное — подальше от боли.

Глава 3

Снег Новосибирска впивается в лицо тысячами крошечных игл, и я впервые за всю дорогу чувствую, что действительно уехала.

Двери вагона расходятся с тяжёлым шипением, и я ступаю на перрон. Холод обрушивается сразу. Плотный будто город сам решил меня обнять и не отпускать. По сравнению с Москвой, где даже апрель ещё пахнул сырым асфальтом, и весной, здесь зима просто отказалась уходить.

Пальцы в лёгких туфлях мгновенно деревенеют, а по спине пробегает такая ледяная дрожь, что тело сжимается в тугий комок.

— Девушка, вы в порядке? — окликает меня проводник, высунувшись из тамбура. Голос у него хриплый, усталый после долгой дороги. — Здесь минус семнадцать. Не стойте так долго, простудитесь.

Я киваю, не в силах выдать ни слова. Просто иду дальше. Каждый шаг по скрипучему снегу отдаётся в груди тяжёлым толчком. Я здесь. Одна. В городе, где меня никто не знает и где даже воздух кажется чужим.

Первым делом еду за теплой одеждой и в гостиницу. А потом время ускоряется так, что я не успеваю уследить. Первая неделя в Новосибирске пролетает как в густом, вязком тумане.

Уже на второй день я стою у двери старой пятиэтажки на окраине и жму кнопку звонка. Дверь открывает пожилая женщина в вязаном жилете. Лицо в мелких морщинках, глаза усталые, но цепкие.

— Здравствуйте, я по объявлению о комнате, — говорю, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Заходи, дочка, — кивает она и пропускает меня внутрь. Коридор пахнет старым деревом и борщом. — Комната маленькая, но чистая. На месяц только. Потом сын приезжает.

Я оглядываю комнату: узкая кровать у стены, маленький столик у окна, шкаф, который скрипит, когда я открываю дверцу. За окном — заснеженный двор и голые тополя, качающиеся от ветра.

— Беру, — говорю я тихо. — Сколько?

— Двенадцать тысяч. Наличкой вперёд.

Я достаю деньги. Руки дрожат, но я быстро отсчитываю купюры.

— А можно без паспортных данных? — спрашиваю почти шёпотом. — Я... не хочу, чтобы меня нашли.

Женщина смотрит на меня долгим взглядом, потом вздыхает.

— Ладно. Только не натвори тут ничего. И новый телефон свой запиши, если что.

Я меняю номер в тот же день. Все социальные сети удаляю одним нажатием. Без прощальных постов. Без объяснений. Пусть думают, что я растворилась.

Устраиваюсь в школу прямо во дворе дома которого обосновалась. Обычная городская, с облупившейся краской на стенах и запахом мокрых валенок в раздевалке. Директор смотрит на мой единственный документ, паспорт, и качает головой.

— Учитель русского и литературы нужен срочно. Пятые-девятые классы. Справитесь?

— Справлюсь, — отвечаю я твёрдо, хотя внутри всё сжимается.

— А почему так внезапно? Из Москвы в Новосибирск... Необычно, — да еще и дипломы забыли.

Я сглатываю.

— Личные обстоятельства. Я не хочу об этом говорить.

Она кивает, не настаивая.

— Хорошо. Завтра в восемь. И... если нужна будет помощь — говори. У нас коллектив дружный.

— Спасибо.

Отказываюсь от любой помощи родных. Мама звонит на старый номер три раза за неделю, отец присылает сообщение с переводом. Я не отвечаю. Не беру. Мне не нужна их жалость.

Мне нужно просто выжить здесь.

Самой.

Первые дни одиночества самые тяжёлые.

Каждый вечер я возвращаюсь в свою крошечную комнату, включаю старый чайник, который шумит, как трактор, и сажусь у окна. Снег за стеклом падает тихо, мягко.

Я ещё верю. Глубоко, до дрожи в пальцах верю, что Артур найдёт меня. Что он приедет. Что скажет, всё это было чудовищной ошибкой. Что он встанет передо мной на колени прямо здесь, в снегу, и скажет, что без меня не может.

Засиживаюсь в школьном кабинете дольше обычного. Готовлю материалы к завтрашнему уроку. Голова тяжёлая, глаза слипаются от усталости, но...

Артур входит в школьный коридор. На нём тот самый чёрный костюм, как всегда идеальный. В руках огромный букет алых роз. Он идёт по коридору, лепестки сыплются на пол, на парты, на подоконники. Красные, бархатные, живые.

Дети в классе смеются, хлопают в ладоши.

— Элина! — зовёт громко, и голос его разносится по всему коридору. — Я здесь! Я нашёл тебя!

Он идёт прямо ко мне. Его глаза уже не пустые. В них — та самая любовь, которую я помнила четыре года. Он опускается на одно колено прямо посреди кабинета, среди роз, и берёт меня за руку.

— Прости меня, — говорит он хрипло, и в его голосе дрожь. — Я был идиотом. Я всё понял. Вернись. Я без тебя не могу. Я люблю только тебя.

Я тянусь к нему, пальцы касаются его щеки, и в этот момент...

Резкий, холодный воздух касается моей щеки.

Я просыпаюсь.

Голова лежит на столе в учительском кабинете. Щека прилипла к деревянной столешнице.

За окном — уже глубокая ночь. Фонарь на улице качается от ветра, бросая жёлтые блики на стены.

Ничего нет.

Ни роз. Ни Артура. Ни прощения.

Только я. Одна. За столом в чужой школе в чужом городе.

Слёзы приходят внезапно. Горячие, тяжёлые. Они текут по щекам, капают на тетради с планами уроков, оставляют тёмные пятна. Я не всхлипываю громко — просто плачу тихо, прижавшись лбом к холодному дереву стола. Плечи дрожат. Грудь сжимается так, что больно дышать.

— Почему... — шепчу я сквозь слёзы, и голос срывается. — Почему ты не приехал? Почему всё это ложь?

Я плачу по всему: по Москве, по платью, по кольцу, которое бросила ему под ноги, по четырём годам любви, которые оказались ложью. Плачу по себе — той, которая ещё верит, что он приедет.

Холод Новосибирска за окном всё ещё кусает стёкла, но я уже не боюсь его так сильно.

Я поднимаю голову, вытираю лицо рукавом свитера и смотрю в темноту за окном.

— Пусть, — шепчу я себе. — Пусть ищет. А я буду жить. Вопреки всему буду!

Глава 4

Уведомления сыплются на экран, как град по жестяной крыше, и каждый звук удара отзывается у меня в груди острой, рвущей болью.

Сию за крошечным столом в своей комнате, где за окном всё ещё падает снег, а старый чайник на подоконнике тихо булькает. Пальцы, держащие телефон, холодеют. Я не хотела открывать мессенджер. Правда не хотела. Но палец сам нажал, и вот они — старые чаты, которые я забыла удалить.

Фотографии. Десятки. Сотни.

Артур и Амина.

— Смотри, какая пара! — пишет кто-то мне незнакомый.

— Наконец-то настоящая свадьба! — добавляет другая.

— Торт просто бомба, невеста — умничка, как со вкусом все подобрала!

Я листаю дальше. Торт. Многоярусный, с золотыми фигурками наверху.

Молодожены целуются на фоне белых цветов — его рука лежит у неё на талии точно так же, как когда-то лежала у меня.

Улыбки. Счастливые. Гости аплодируют, вспышки слепят. На следующем фото Амина в белом платье смеётся, запрокинув голову, а Артур смотрит на неё так, будто она — весь его мир.

Он смотрел на меня точно так же. Только где же была правда? Или он насквозь лживая тварь?

Я чувствую, как внутри всё сжимается в тугую, горячий узел. Щёки горят, в горле встаёт ком, а пальцы начинают дрожать так сильно, что телефон едва не выскальзывает.

И вдруг выскакивает сообщение от подруги Амины — той самой, что была на нашей помолвке.

«Элина, хватит молча подсматривать! Возвращайся, и тебе место найдётся.»

Я читаю вслух, хрипло, почти не узнавая свой голос:

— Возможно, в подсобке, но хоть посмотришь, как красиво и романтично бывает...

Слова впиваются в меня, как острые осколки. Я перечитываю ещё раз, и тошнота подкапывает к горлу первой волной — тяжёлая, густая, с металлическим привкусом во рту.

— Как ты можешь... — шепчу я в пустоту комнаты. — Как вы все можете мне это писать?

Никто не отвечает. Только телефон вибрирует снова и снова. Новые поздравления. Новое видео: Артур и Амина танцуют первый танец. Её голова лежит у него на плече. Он улыбается той самой улыбкой, от которой у меня когда-то замирало сердце.

Я не выдерживаю.

— Хватит, — говорю я громко, почти кричу. — Хватит!

Пальцы двигаются быстро, яростно. Я выхожу из всех чатов. Один за другим. Блокирую родственников Артура. Блокирую его друзей. Блокирую даже тех, кто просто был рядом все эти годы.

— Не звоните мне больше, — шепчу я, нажимая «заблокировать». — Никогда. Слышите? Никогда!

Каждый клик отдаётся в груди острой болью, но я продолжаю. Это последний раз, когда я позволяю им войти в мою жизнь.

Последний.

Голова начинает кружиться. Сначала медленно, потом сильнее. Стены комнаты — с выцветшими обоями, старый шкаф, занавеска в цветочек — плывут перед глазами мутными пятнами. Я прижимаю ладонь ко лбу, но это не помогает. Тошнота накатывает новой, более сильной волной. Желудок сжимается, во рту становится кисло, горько. Я вскакиваю, едва не опрокидывая стул, и бегу к маленькой раковине в углу.

Меня рвёт. Резко, болезненно, до пустоты. Горькая желчь обжигает горло, слёзы текут по щекам, смешиваясь с водой, которую я открываю дрожащей рукой. Я держусь за край раковины, чтобы не упасть. Плечи дрожат. Ноги подкашиваются. В ушах стоит тонкий, противный звон.

— Почему... — вырывается у меня сквозь спазмы. — Почему ты так легко меня заменил? Почему все вы... так легко?

Я плачу и одновременно задыхаюсь от тошноты. Тело предаёт меня полностью — руки трясутся, колени дрожат, а в груди разливается такая пустота, что, кажется, будто меня вывернули наизнанку. Запах собственной рвоты смешивается с запахом старого чая и пыли от батареи. Это невыносимо.

Я сползаю по стене на пол, прижимаюсь спиной к холодной плитке и закрываю глаза. Слёзы всё ещё текут. Тошнота отступает медленно, оставляя после себя слабость и дрожь во всём теле.

— Всё, — шепчу я хрипло, почти беззвучно. — Больше вас нет. Ни в чатах. Ни в моей жизни. Ни в моей голове.

Я вытираю лицо рукавом свитера. Капли холодной воды стекают по шее, по ключицам. В комнате тихо. Только снег за окном шуршит по стеклу да старый холодильник гудит в углу.

Я поднимаюсь. Ноги ещё дрожат, но я стою. Беру телефон, который лежит на столе экраном вниз, и выключаю его окончательно.

— Пусть женится, — говорю я себе вслух, и голос уже звучит твёрже. — Пусть празднует. А я... я буду жить. Здесь. Без вас.

Снег за окном продолжает падать. Тихо. Спокойно. Как будто ничего не произошло.

А внутри меня, где-то под этой болью и тошнотой, уже пробивается что-то новое.

Маленькое. Упрямое. Живое.

Глава 5

Тест в моих руках дрожит так сильно, что две полоски расплываются перед глазами в одну размытую розовую линию.

Я стою в крошечной смотровой новосибирской поликлиники, где стены покрашены в казённый бледно-зелёный цвет, а на подоконнике стоит пыльный кактус в пластмассовом горшке.

Врач только что вышла, оставив меня одну с этой тонкой бумажкой.

Мои пальцы леденеют, хотя в комнате тепло. Сердце бьётся так громко, что я слышу его в ушах — глухие, тяжёлые удары.

— Вы беременны, — сказала она минуту назад, и голос её был ровным, почти безразличным. — На шестой-седьмой неделе. Поздравляю.

Поздравляю. Слово повисло в воздухе, как чужое. Я не ответила. Просто кивнула и вышла в коридор, где теперь стою и смотрю на эти две полоски, будто они могут исчезнуть, если я моргну достаточно усердно.

— Это не может быть правдой, — шепчу сама себе, будто пытаюсь уговорить реальность подвинуться в другую сторону. — Не сейчас. Не от него.

Но тест не врёт. И внутри меня уже растёт что-то живое. Маленькое. Чужое. И одновременно — моё.

Токсикоз больше не отпускает меня ни на день.

Утром меня выворачивает прямо над раковиной в моей крошечной комнате. Желудок сжимается в спазмах, горькая слюна заполняет рот, а тело покрывается холодным липким потом. Я держусь за край, ноги подкашиваются, и я сползаю на пол, прижимаясь щекой к холодной плитке.

— Держись... — бормочу я сквозь зубы. — Просто держись.

Но становится только хуже. К вечеру я уже не могу встать. Тошнота не отпускает ни на минуту. Каждый запах вызывает новый приступ. Я вызываю скорую.

В приёмном покое больницы пахнет ещё сильнее — хлоркой, йодом и усталостью. Медсестра в голубом халате смотрит на меня поверх очков.

— Что у вас?

— Токсикоз... — шепчу я. — Сильный. И кровь... немного.

Она кивает, не удивляясь.

— Ложитесь. Сейчас посмотрим.

Меня кладут в палату на сохранение. Обычная городская больница: четыре койки, обшарпанные стены цвета бледного мха, старые шторы в мелкий цветочек.

Я лежу и слушаю, как капает капельница. Рядом — девушка лет двадцати пяти, с короткими светлыми волосами и усталым, но тёплым взглядом.

— Привет, — говорит тихо, когда медсестра выходит. — Ты новенькая?

Я киваю, не в силах улыбнуться.

— Да. Токсикоз и угроза.

— Ох, бедная... — Маша поворачивается ко мне на бок. — У меня тоже была угроза на ранних. Лежу тут, как в тюрьме. А ты откуда?

— Из Москвы, — отвечаю хрипло. — Приехала... недавно.

— Одна?

— Одна.

Маша вздыхает и смотрит в потолок.

— Я тоже одна. Муж сказал: «Не мой ребёнок, делай что хочешь». А я хочу. Хочу этого малыша. Даже если он меня убьёт своими токсикозами.

Я поворачиваю голову к ней. Её слова ложатся на меня тёплым, тяжёлым одеялом.

— А ты... не боишься? — спрашиваю шёпотом. — Одна растить?

— Боюсь, — честно отвечает. — Каждый день боюсь. Но когда я первый раз почувствовала, как он шевельнулся... всё внутри перевернулось. Это уже не просто «проблема». Это уже человек. Мой человек.

Я молчу. Капельница капает. За окном снег тихо шуршит по стеклу.

— А у тебя кто отец? — спрашивает, кивая в сторону живота.

Я закрываю глаза.

— Тот, кто уже женился на другой.

Маша выдыхает.

— Тогда тем более держись. Не отдавай ему эту кроху. Пусть растёт у тебя. Ты сильная, я вижу. Из Москвы в Сибирь не каждый поедет.

Я не отвечаю. Но внутри что-то щёлкает.

На следующий день врач приходит с УЗИ.

— Угроза сохраняется, — говорит строго. — Сердцебиение есть. Если будете лежать и выполнять всё, что скажу, — шансы хорошие.

Я киваю, сжимая край простыни.

— Я буду.

Когда врач уходит, Маша поворачивается ко мне.

— Слышала?

— Да.

— И что решила?

Я смотрю в потолок. Потолок в мелких трещинах, как карта моей жизни.

— Я оставлю его, — говорю твёрдо, хотя голос всё ещё дрожит. — Буду рожать. И растить. Сама.

Маша улыбается — устало, но по-настоящему.

— Вот это правильно. Мы с тобой вдвоём теперь. Две сибирские мамы-одиночки. Прорвёмся.

Я киваю и впервые за долгое время чувствую, как в груди разливается что-то тёплое. Не радость ещё. Но уже не пустота.

Токсикоз не отступает. Меня рвёт несколько раз за ночь. Я лежу, свернувшись на боку, и прижимаю ладонь к животу — туда, где пока ничего не чувствуется, но уже есть жизнь.

Слёзы текут по щекам, но теперь они другие. Не от отчаяния. От решимости.

— Мы справимся, — шепчу в темноту палаты. — Слышишь? Мы с тобой справимся.

Впервые за все эти недели чувствую, что не одна.

Глава 6

Рядом нет никого.

Рядом нет никого, но я справляюсь.

Повторяю себе как мантру, когда боль позволяет дышать. Стараюсь думать о чём угодно, только не о том, что происходит с моим телом.

Когда боль ненадолго отпускает свои цепкие объятия, я прикрываю глаза и почти мгновенно проваливаюсь в короткий, тревожный сон.

Но все начинается снова, и боль становится сильнее. Обжигает горячей волной, и я сжимаю зубы так сильно, что слышу, как скрипит эмаль. Пальцы вцепляются в бортик каталки.

Мама не знает, что я здесь.

Я не звонила.

Не кричу. Вместо этого я выдыхаю сквозь зубы. Длинно, со свистом. Боль доходит до пика, зависает там на невыносимую секунду и начинает отступать. Я разжимаю пальцы. На металле бортика остаются влажные отпечатки.

Акушерка заходит, смотрит на меня поверх маски.

— Терпишь хорошо, — бросает равнодушно.

Она проверяет аппарат, что-то записывает в карточку, уходит. Снова накатывает запах собственного страха. Кислый, острый. Он сидит у меня под языком.

Думаю об Артуре.

Не потому, что хочу. Просто так устроена боль. Она выметает всё лишнее и оставляет лишь значимое.

Думаю о том, что он сейчас, вероятно, спит. В Москве примерно пять утра. Ему тепло и уютно. Ему незачем просыпаться и переживать. Ему не больно. Ему не страшно потерять дочь.

Ещё одна схватка — и я перестаю думать вообще.

Родильный зал белый и очень холодный.

Врачи переговариваются, но я никак не могу уловить суть. Обрывки фраз долетают как с другой планеты.

— Хорошо. Ещё раз. Тужься.

Слушаюсь.

Моё тело делает что-то невозможное. Это не похоже ни на что, с чем я когда-либо сталкивалась. Это не боль в привычном смысле — это какая-то первобытная сила, которая использует меня как инструмент и не спрашивает разрешения.

— Ещё немного.

Ещё немного...

Я не знаю, сколько это длится. Время в родильном зале устроено иначе, чем в остальном мире. Боль и страх выворачивают его, как им вздумается. Они словно играют в перетягивание каната, то ускоряя, то замедляя время.

А потом — всё.

Тишина.

И в эту тишину врывается звук, которого я никогда раньше не слышала. Тонкий, возмущённый, живой — первый крик. Неожиданно громкий для чего-то настолько маленького.

Акушерка кладёт мне на грудь что-то тёплое, скользкое, красное и кричащее.

Я смотрю.

У неё сморщенный лоб. Крошечные кулаки. Рот открыт, из него идёт звук. Требовательный, безапелляционный, абсолютно уверенный в том, что его услышат.

Не понимаю, плачу ли я или смеюсь, потому что что-то горячее катится по вискам, а внутри — тишина. Не пустота. Именно тишина.

Будто долго-долго шла гроза, а потом вдруг перестала. Вышло солнце.

— Девочка, — говорит акушерка. — Девять и десять.

Арина. Просто потому, что оно звучит будто владелица имени, будет стоять твердо, даже в самый сильный шторм.

Она перестаёт кричать — почти сразу, как только оказывается на мне. Это странно. Это почти невыносимо трогательно. Она просто слышит моё сердце и успокаивается, будто всё время знала этот звук.

Выписывают нас на третий день. Комната восемь квадратных метров встречает запахом старого дерева и холодом, который живёт здесь постоянно, несмотря на батарею под окном. Она греет только себя и маленький круг воздуха вокруг. Хозяйка открыла дверь молча, посмотрела на свёрток в моих руках, кивнула и ушла обратно на кухню.

Все, что я смогла себе позволить — приставная кровать и коляска.

Я кладу Арину на кровать, она сразу морщится и открывает рот. Я знаю этот знак. Хватаюсь за него, как за задание, потому что пока есть задание — можно не думать ни о чём другом.

Она ест долго и серьёзно. Я сижу, прислонившись к холодной стене, и слушаю её дыхание.

Я смотрю на малышку и думаю: как же мы будем жить.

Вопрос не риторический. Вопрос бухгалтерский, прикладной, с цифрами. Зарплата учителя в школе — двадцать три тысячи. Комната — двенадцать. Остаётся одиннадцать на всё остальное. Подгузники, питание, одежда. Арина растёт быстро, я уже это знаю теоретически, потому что читала всё, что успела, пока лежала в больнице. Одежда — это деньги, которых нет. Значит, буду шить. У меня есть руки и старая машинка, которую хозяйка квартиры поставила вместо тумбочки. Она гремит, как трактор, но строчку даёт ровную.

Репетиторством займусь с понедельника. Уже договорилась через школу — двое пятиклассников, русский язык. По пятьсот рублей за час. Итого четыре часа в неделю, восемь тысяч в месяц. Уже лучше.

Арина отпускает грудь и смотрит на меня. Взгляд у неё такой, будто она только что прочитала все мои расчёты и нашла их неубедительными.

— Справимся, — говорю я вслух, потому что это надо произносить. — Слышишь? Справимся.

Она икает. Я смеюсь. Кажется, это первый раз, когда я смеялась по-настоящему за последние девять месяцев...

Глава 7

Три часа ночи — это отдельное измерение, куда попадают только матери и преступники.

Это отдельная жизнь, у которой нет конца.

Арина не спит. Вернее, она засыпает. Но как только я кладу ее в кроватку и отхожу на полтора шага, укладываюсь сама, прикрываю глаза. Проходит, кажется, половина секундочки. И она снова кричит.

— Тихо, — встаю. — Тихо, я здесь.

Она всегда успокаивается, когда слышит мой голос. Это открытие первых недель. Что этот маленький человек, который весит четыре килограмма и ещё не умеет держать голову, узнаёт меня. По запаху, по голосу, по сердцебиению. Он рос внутри меня три четверти года, и теперь я его главный ориентир.

Это одновременно самое прекрасное и самое страшное, что со мной случилось.

Она затихает на руках. Немедленно, нагло, с полным пониманием своей власти. Её дыхание теплое и частое, щекочет кожу. На секунду внутри меня разливается странная, почти болезненная нежность. Такая острая, что хочется одновременно плакать и смеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.